Хорошие спектакли

Государственный русский драматический театр БССР — в Ленинграде впервые. Однако не только этим обстоятельством объясняется живой интерес ленинградских зрителей к гостям из Белоруссии, но прежде всего разнообразием репертуара и высокой режиссерской и исполнительской культурой большинства спектаклей. Ярким примером этому служат постановки двух классических произведений — «Варвары» Горького и «Король Лир» Шекспира, осуществленные главным режиссером театра заслуженным деятелем искусств Туркменской ССР В. Ф. Федоровым.

В пьесе Горького разоблачаются растленные души грабящих Россию хищников-эксплуататоров. Передавая мертвящую атмосферу уездного городка, великий пролетарский писатель с задушевным теплом рисует тех, кто поднимается на борьбу с угнетателями народа. Горький показывает и людей, стремящихся сохранить позиции сторонних наблюдателей и ставших жертвами деспотизма, и людей, изуродованных буржуазным воспитанием, бессильных, морально опустошенных.

Перед зрителями одна за другой возникают фигуры городской знати. Вот лесопромышленник Архип Притыкин (артист К. М. Веремейчик) с добродушной широкой физиономией и приветливыми манерами. Вот степенный городской голова Василий Редозубов (народный артист БССР А. Ф. Кистов), респектабельный акцизный надзиратель Монахов (артист И. А. Рожба), исправник (артист И. Е. Лисневский).

Постепенно каждый из этих персонажей вырисовывается все полнее, выразительнее. Исступление начинает звучать в воплях самодура-головы при первой же попытке оказать сопротивление его нелепым действиям. Добродушный Притыкин-Веремейчик сразу делается колючим, антипатичным, когда говорит: «Народ зверье... и становится все хуже...». Притыкин-Веремейчик и исправник-Лисневский, напившись на пиршествах, напоминают двух отталкивающих похотливых животных. Исполнитель роли акцизного надзирателя артист Рожба последовательно показывает черты всепоглощающей пошлости своего героя.

Таков «духовный» облик «видных» людей города. Они воруют, пьянствуют, забивают до идиотизма, до смерти жен и детей, злобно сплетничают, клевещут. Около них пребывает сошка помельче: доктор (артист С. Б. Дубравин), истерик, безнадежно влюбленный в жену Монахова — Надежду; развратный чиновник Дробязгин (артист В. П. Беляков), провороваившийся но мелочи; Гриша Редозубов — сын головы (заслуженный артист БССР С. М. Полосин), зайтый отпрыск до глупости, с лоснящимся бессмысленным лицом, произвительным голосом, напоминающий раскормленного поросенка; Павлин Голопастиков (артист В. В. Воинков) — подхалим; ябеда, гонитель всего живого и нового.

Серьезнейшую идейную нагрузку несут в спектакле образы молодежи, восстающей против несправедливости, угнетения и пошлости. Студент Лукин (артист Г. К. Некрасов), спокойный простой парень, высокий, чуть неуклюжий, беспощадно и точно оценивает всех окружающих. Об этом говорят и внимательный взгляд, и чуть наметившаяся улыбка. Юноша без кола и двора, вчерашний политический заключенный, Лукин-Некрасов всей своей скромной и вместе с тем уверенной манерой подчеркивает, что он никогда не унаследует духом, не поколеблется. Недаром его ненавидит Притыкин, недаром обеспокоен связями Лукина с рабочими исправник.

Под влиянием Лукина определяется судьба Кати Редозубовой. Девушка выросла в страшной обстановке отчего дома, но не утратила живой души, чуткости к добру, смелости, любознательности. Порывистая, непосредственная, Катя (артистка К. С. Вёсенина) жадно ловит каждое слово Лукина о новой жизни. Сколько в ней живого, горячего сочувствия, когда она утешает покинутую Анну. Актрисе хорошо удаются резкие переходы от жеманной нежности бесед с Анной к властному окрику по адресу дегенерата-брата или к дерзкому мальчишескому вызову, который Катя бросает Черкуну.

Интересное разрешение получили в спектакле важнейшие образы пьесы инженеров Егора Черкуна и Сергея Цыганова — типичных представителей обреченного на гибель класса буржуазии.

Народный артист Узбекской ССР Г. А. Кочетков (Цыганов) и артист Е. А. Карнаухов (Черкун) искусно вскрывают внутреннюю гнилостность своих героев. Аристократической непринужденностью исполнены манеры Цыганова-Кочеткова. Он галантен с дамами, легко «роняет» остроты. Но чем дальше, тем яснее выдает себя преувеличенно прямая походка всегда хмельного человека, холодноватый, скользящий взгляд эгоиста, циничная усмешка. Ему уже все равно, где пить, с кем...

Решительные жесты, уверенный резкий голос (которому актер порой напрасно придает излишне крикливые интонации) — таково первое впечатление от Черкуна. И это впечатление усиливается, когда Черкун-Карнаухов, стиснув за спиной крепкие руки, откинувшись назад ладным станом, одним лишь взглядом укрощает неистовствующего самодура Редозубова. И тем сильнее разочарование в Черкуне при виде пошлоповатой суетливости, с которой он ухаживает за Надеждой, и вызывающей наглости его дальнейшего поведения, толкающего Надежду на самоубийство.

Надежда Монахова и Анна — обе жертвы варваров. Образ Надежды, существа изуродованного, лишенного каких-либо духовных интересов, впечатляюще обрисован народной артисткой БССР А. Б. Обуховичем. Как завороженная, бесстрастная ко всему, кроме своей мечты о выдуманной книжной любви, ходит эта удивительно красивая женщина, с плавными движениями, задумчивыми глазами, певучим медленным голосом, среди жалких ничтожеств и уродов, не ощущая нелепости своего поведения.

Образ беспомощной, бесхарактерной и глубоко несчастной жены Черкуна Анны очень мягко играет артистка П. К. Лопатинова.

В трудном положении была актриса Г. П. Старковская — исполнительница сложной и противоречивой роли Лидии Павловны. Лидия Павловна хорошо видит всю мерзость окружающего, полна протеста, но пока не пытается сблизиться с теми, кто идет на борьбу. Она замкнута, молчалива и еще как бы не решила, куда ей следует приложить свои силы. К сожалению, артистка Старковская вместо глубокой внутренней сосредоточенности обращается почти на всем протяжении роли к грубоватой рисовке. Излишними представляются утрированная игра ресниц, подчеркнуто аффектированные движения, надменно закинутая голова.

Артистка А. Н. Савина, создающая интересный образ старой аристократки Богаевской, прожившей жизнь, лишенную смысла и цели, и сознающей это, чрезмерно подчеркивает физическую усталость и немощность Богаевской.

В пересказах постановки можно отнести еще такие незначительные детали, как, например, слишком шумные застольные крики на именинах у Богаевской, заглушавшие важный диалог, ведущийся на заднем плане.

В целом же как режиссура, так и хорошие актерские работы подкупают в «Варварах» мастерством.

* * *

Такой же четкий режиссерский замысел, уверенный и точный рисунок ролей присущи и постановке шекспировского «Короля Лира». «Король Лир» — трагедия титанических страстей и характеров, повествующая о венецианском старце, обманутом льстивыми речами и познавшем жизнь и людей только после того, как он отдал корону, претерпел ужасные мучения, едва совсем не потерял рассудок. Борьба добра и зла, низменных инстинктов и благородных чувств, предательства и высокой чести составляют содержание «Короля Лира».

Успех спектакля во многом зависит от исполнителя заглавной роли трагедии. Народный артист БССР А. Ф. Кистов глубоко вскрывает подоплеку поступков, чувства, побуждения старого короля. Вот он, властный, не терпящий возражений, делит между дочерьми свои земли. У него царственная осанка, безапелляционные интонации, надменно сдвинутые серые брови. Он не дает себе труда лишний раз рукой пошевельнуть или головой повести. Вполне естественен гнев такого старика, когда он не слышит от младшей дочери столь привычной ему лести. Мучительна эволюция Лира-Кистова от короля до оставленного за воротами жестокими дочерьми беспомощного скитальца. Гневное нетерпение сменяет собой недоумение, даже испуг, потом приходит ярость, отчаяние. Старик в степи, ночью в страшную грозу. Уже исчерпаны все проклятья неблагодарным детям. С измученным лицом, разметавшимися волосами, в рубище, но все же какой-то прозревший, просветленный Лир-Кистов с болью говорит о тех, кто всегда обречен на жизнь без крова и пищи, о всех земных неправдах. А ведь прежде он об этом никогда не помышлял. Это уже не Лир-король, а глубоко человечный человек.

Запоминается Кистов в сцене встречи с Корделией, когда, еще не веря своим глазам, с застывшим страдальческим лицом, Лир нерешительно двигается к дочери и падает перед ней на колени, весь содрогаясь от счастья и раскаяния.

Запоминаются образы спутников Лира в его скитаниях — верного шута (заслуженный артист БССР М. Б. Сокол) и пересолетого графа Кента (народный артист Узбекской ССР Г. А. Кочетков).

Мудрый и невеселый шекспировский шут в исполнении артиста М. Б. Сокола трогает больной затаенной скорбью и человечностью, которая ощущается за каждой его присказкой и гримасой. Он все прекрасно понимает, этот кривляющийся урод, уже когда печальными глазами наблюдает расправу Лира над Корделией и раздел владений. Сдержанный, иногда, на наш взгляд, излишне суховатый Кент-Кочетков подкупает стойкостью, с которой он переносит добровольно принятые тяготы, и спокойным презрением, написанным на его лице, по адресу Реганы, Гонерильи и их приспешников.

Обаятельна, нежна и вместе с тем мужественна младшая дочь Лира Корделия в исполнении артистки И. К. Локшиновой. Артист Г. К. Некрасов, играющий ожлевеванного сына Глостера Эдгара, хорошо подчеркивает доверчивость, душевную прямоту своего героя.

Очень удачен в спектакле Эдмунд — артист Е. А. Карнаухов. Эдмунд-Карнаухов — это сгусток злобной энергии, ловких, опасных замыслов. Он даже как-то красив и талантлив в своих дьявольских хитросплетениях. Темпераментный, подвижный, с чуть хищным выражением резко очерченного лица. Эдмунд увлечен своей рискованной игрой ради самой этой игры, хотя, конечно, стремится и к богатству, и к славе, и к власти.

Талантливую исполнительницу нашел образ старшей дочери Лира Гонерильи в лице народной артистки А. Б. Обухович. Лишь на какой-то небольшой промежуток времени натягивает на себя Гонерилья-Обухович маску лицемерной почтительности к отцу. Очень скоро перед нами возникает надменное, жестокое существо с тяжелым взглядом, повелительными жестами и голосом, в котором слишком много мертвящего металла. Даже любовь ее к Эдмунду лишена каких-то мягких, женственных нюансов, а требовательна и неумолима. Такая женщина, как Гонерилья-Обухович могла и выпроводить на дому в ночь и непогоду старика-отца, и отравить сестру, и убить самое себя при виде гибели возлюбленного.

Интересно исполнение роли Реганы артисткой О. Н. Шах-Парок. Регана-Шах-Парок вначале может показаться человечнее старшей сестры. У нее больше нежности в чертах и голосе, она грациозна. Но это только личина. Постепенно Регана-Шах-Парок перестает лицемерить с окружающими и уже не пытается сохранять кроткое выражение. Со злобным торжеством наблюдает она, как вырывают глаза у старого Глостера, готова из ревности задушить сестру.

О серьезной требовательности к себе исполнителей говорят и другие актерские работы в спектакле.

Спектакль идет в стремительных, напряженных ритмах. Здесь безусловно участны широкие, темпераментные жесты у актеров, динамичные мизансцены. Очень удачно передают колорит древних времен и эмоциональную окраску разворачивающихся в трагедии событий декорации художника А. Б. Григорьянца — мрачный замок, зловещее, напоминающее молниями небо над грозовой степью. Выразительны и костюмы исполнителей. Прекрасно подобрана к постановке музыка из произведений Бетховена.

«Король Лир» на сцене театра братской Белорусской республики — еще одно свидетельство глубокого освоения советскими людьми сокровищ мирового искусства.

Достойное сценическое воплощение пьес великих художников Горького и Шекспира далеко не легкая задача, но можно смело сказать — творческий коллектив театра с честью справился с ней.

Н. РАБИНЯНЦ

30 АВГ 1953

СМЕНА
ЛЕНИНГРАД